

Годы
бесконечные,
мгновенные...

Елена Ильзен (Грин)

Ольга Адамова-Слиозберг

Анна Баркова

Нина Гаген-Торн

Елена Владимирова

Анастасия Цветаева

Надежда Надеждина

Татьяна Лещенко-Сухомлина

Елена Тагер

Наталия Ануфриева

Юлия Панышева

Светлана Шилова



Елена
Ильзен (Грин)



Ольга
Адамова-Слиозберг



Анна
Баркова



Нина
Гаген-Торн



Елена
Владимилова



Анастасия
Цветаева



Надежда
Надеждина



Татьяна
Лещенко-Сухомлина



Елена
Тагер



Наталия
Ануфриева



Юлия
Панышева



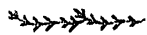
Светлана
Шилова

*Годы
бесконечные,
мгновенные...*

Стихи узниц ГУЛАГа

Возвращение
Москва
2001

Елена Ильзен (Грин)



ВЫШКА

Из серых досок нестроганных
На длинных ногах-сваях
Стоит скворешня строгая,
Кажется: вот-вот зашагает.
Это не жилье человечесьё,
Там нельзя ни спать, ни обедать.
Но человек там торчит вечно,
Глазеет на мои беды.
Ничто-то ему не любо.
Он караулит меня, узника.
Ничего, не горюй, ты! в шубе!
Всякий труд одинаково почетен
В Советском Союзе!



УТРО НАШЕЙ РОДИНЫ

Травка зеленеет,
Солнышко блестит...

Заутра казнь...

ВРАЧ

К врачу двоих ввели,
Раздели, одели и увели.
Врач под картиной «Утро нашей Родины»
Сел заполнять форму:
*Легкие — норма, сердце — норма,
К расстрелу годен.*
Вымыл руки,
Подкололся морфием прямо сквозь брюки.
Поспать бы успеть,
Пока к тем двоим позовут
констатировать смерть.

ПАЛАЧ

В полночь будильник звонит, звонит отчаянно.
Палач встал, подавил зевоту,
Съел булочку, выпил чаю,
Не спеша пошел на работу.
У него сегодня много ли дела —
Два каких-нибудь расстрела.

А несчастные мечутся в чаянье чуда.
Откуда же чудо, раз есть Иуда!
Войдут сейчас, возьмут сейчас, убьют сейчас —
В предрассветный час.
Так и были ликвидированы
Двое посмертно реабилитированные.

Человек, не будь палачом,
Никогда, нипочем!



СЕРВАНТЕСУ

* * *

Люди карабкаются к счастью,
А попадают в беду,
Большие и маленькие страсти
Вспыхивают, как в бреду.
Я не люблю вас, крохотных,
Ваши вопли во тьме.
А Сервантес Дон Кихота
Взял и выдумал в тюрьме.

ДОН КИХОТ НА ПЕРЕПУТЬЕ

Сколько в одежде дыр,
Столько на теле ран.
Очень просторен мир,
Много на свете стран.
Куда направить коня?
Где больше опасностей будет?
Который путь весел и труден?
Куда направить коня?

РЫЦАРЮ СТРАШНО

Какая-то тень легла на костер.
Поднял глаза, посмотрел в упор
На серую, как смерть, старуху.
Костер от страха задрожал и потух.
Во весь свой рост спокойно встал,
Поклонился низко, как кланяются даме:
«Синьора Смерть, я Вас узнал,
Идемте, я готов следовать за Вами».
Старуха засмеялась, будто посыпались
костяшки,
Сухим языком губы облизывает:
«Вы ошиблись, синьор, я — Жизнь».
И в первый раз рыцарю стало страшно.



* * *

Стою у пропасти бездонной,
Тупо и властно тянет бездна.
Дышу, кажется, спокойно и ровно,
Впрочем — поговорим серьезно:
Жизнь совершенно бессмысленна,
Как клочок волос на лысине.
Любовь?! Дружба?! Ах, бросьте!
Меньше дряни будет на совести.
Рядом кому-то бьют морду.
Не правда ли, человек - это звучит гордо?

Летит большая птица
виднеется длинный клюв
Повеяло утренней свежестью...
И вот
 воды не замутив, травы не шелохнув,
Неслышно подошла надежда.

Ольга Адамова-Слиозберг



ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Сегодня такое синее небо,
Такой золотой, ослепительный свет,
Как будто пятнадцати лет не было,
И вчера мне исполнилось двадцать лет.

Как будто, свернув на затылке косы,
Я к Волге бегу босиком с горы,
Ловя золотисто-синие отсветы
Ее холодной стальной игры.

Такая свобода, такая прохлада,
Такой простор молодому телу,
Что даже сейчас запоздалая радость
В сердце певчею птицей запела...

И в этот день, золотой и синий,
Среди соловецких зловещих стен
Я вижу песков разметавшихся линии
И вязов прибрежных зеленую сень.

Пускай потери непоправимы,
Ошибки искать и считать я устала,
Навеки то, что было любимом,
Солнечным светом в душе осталось.

Соловки, 1 августа 1937



МЫ ИДЕМ ИЗ БАНИ

Мы шли понуро, медленно, без слов.
Серели в сумерках цепочкой силуэты.
А на небе малиновым рассветом
Окрашивались стайки облаков.

Еще молчали сонные дома,
Был воздух тих и сказочно прозрачен...
Но безнадежно каменно и мрачно
Смотрела Соловецкая тюрьма.

И прежде чем войти в окованную дверь,
Мы все взглянули в радостное небо...
Да, жизнь — непонятый и нерешенный ребус,
Цепь горестных ошибок и потерь.

СУЗДАЛЬ

На золотом шелку небес
Лиловые клубятся тучи.
Раскинул паутину сучьев
Весенний обнаженный лес.

Горит парчовая заря.
На бледном золоте заката
Чернеет темная громада
Старинного монастыря.

Недвижен воздух. Силуэты
Мелькают галок и ворон.
До странности похоже это
На старый позабытый сон.

Четыре века в этой келье
Затворницы влачили дни,
На золотой закат глядели
Из этого окна они.



В ЭТАПЕ

Ели, мох да столбы верстовые
Сквозь решетку вижу из окна,
Да порой березки молодые
В завитках зеленого руна.

За окном бегут селенья, нивы,
Темные колышутся леса.
Прежнего смелей и горделивей
На реке белеют паруса.

И, впивая с нежностью и болью
Взглядом эту радость, этот блеск,
Думаю: ужель в таком приволе
Для меня нет места на земле?

1938

ПЕСНЯ

Нас уносит тюремный вагон
Сквозь поля, сквозь леса по этапу.
Жизнь и радость, как призрачный сон,
Убегают с полями на запад.

На пригорках мелькают дома,
В окна смотрят свободные люди,
Не нависла над ними тюрьма...
Поглядят на вагон — и забудут.

Нас уносит вагон на восток
Проторенной дорогой страдания.
Нашей жизни печальные строки
Мы допишем в печальном изгнании.

Быстро мчится тюремный вагон
Сквозь поля, сквозь леса по этапу.
Жизнь и радость, как призрачный сон,
Убегают с полями на запад.

1938



ЗАВИСТЬ

Они летят. Они летят на юг.
А я осталась,
 подстреленная птица, на земле.

Я вижу молодость свою
В застывшей мгле.
На синем юге, на далеком юге
Купаются в живительном огне
Мои крылатые подруги.
 Какой холодный снег...

Колыма, 1939

Анна Баркова



ГЕРОИ НАШЕГО ВРЕМЕНИ

Героям нашего времени
Не двадцать, не тридцать лет.
Тем не выдержать нашего бремени,
Нет!

Мы герои, веку ровесники,
Совпадают у нас шаги.
Мы и жертвы, и провозвестники,
И союзники, и враги.

Ворожили мы вместе с Блоком,
Занимались высоким трудом.
Золотистый хранили локон
И ходили в публичный дом.

Разрывали с народом узы
И к народу шли в должники.
Надевали толстовские блузы,
Вслед за Горьким брели в босяки.

Мы испробовали нагайки
Староверских казацких полков
И тюремные грызли пайки
У расчетливых большевиков.



Трепетали, завидя ромбы
И петлиц малиновый цвет,
От немецкой прятались бомбы,
На допросах твердили «нет».

Мы всё видели, так мы выжили,
Биты, стреляны, закалены,
Нашей родины злой и униженной
Злые дочери и сыны.

1952

Я

Голос хриплый и грубый, —
Ни сладко шептать, ни петь.
Немножко синие губы,
Морщин причудливых сеть.

А тело? Кожа да кости,
Прижмусь — могу ушибить,
А все же: сомненья бросьте,
Все это можно любить.

Как любят острую водку, —
Противно, но жжет огнем,
Сжигает мозги и глотку
И делает смерда царем.

Как любят корку гнилую
В голодный чудовищный год, —
Так любят меня — и целуют
Мой синий и черствый рот.

1954



* * *

Что-то вспыхнуло, замерло, умерло,
Загоревшись до самых звезд.
Отнесли за каким-то номером
На унылый тюремный погост.

Это все? Или было посмертное
Продолжение какое-нибудь?
Если было, я им пожертвую,
Мне не жалко его ничуть.

Будут старые вина литься,
Прозвучит поминальный тост.
Прах мой, будешь ли ты шевелиться,
Проклинать арестантский погост?

Что за дело мне, что болваны
Зашибут на мне честь и деньги
И разлягутся на диванах,
Ну а я коченею в снегу.

Не гнию, распадаясь, не тлею —
Вековая хранит мерзлота.
И не знают вина и еля
Искаженные смертью уста.

Я — живая — пылала жаждой
К гордой славе, к любви, к вину.
А теперь влюбляется каждый
В отошедшую к вечному сну.

Выпивая бокал за бокалом,
Каждый грустные шепчет слова:
— Жаль, рожденье мое запоздало,
Очень жаль, что она не жива.

Но меня не согреет слава
После смерти в промерзшей мгле.
И лежащим в земле не по нраву
Трепетанье огня на земле.

1950-е годы



* * *

Днем они все подобны пороху,
А ночью тихи, как мыши.
Они прислушиваются к каждому шороху,
Который откуда-то слышен.

Там, на лестнице... Боже! Кто это?
Звонок... К кому? Не ко мне ли?
А сердце-то ноет, а сердце ноет-то!
А с совестью — канители!

Вспоминается каждый мелкий поступок,
Боже мой! Не за это ли?
С таким подозрительным — как это глупо! —
Пил водку и ел котлеты!

Утром встают. Под глазами отеки.
Но страх ушел вместе с ночью.
И песню свистят о стране широкой,
Где так вольно дышит... и прочее.

* * *

Хоть в метелях душа разметалась,
Все отпето в мертвом снегу,
Хоть и мало святым осталось, —
Я последнее берегу.
Пусть под бременем неудачи
И свалюсь я под чей-то смех,
Русский ветер меня оплачет,
Как оплакивал нас всех.
Может быть, через пять поколений,
Через грозный разлив времен
Мир отметит эпоху смятений
И моим средь других имен.

1954



* * *

Толпой людей, тупых и одичавших,
Мы стиснуты и разъединены.
Мы, видно, не до дна испили чашу
И горя, и неведомой вины.

1954

НАДРЫВНЫЙ РОМАНС

Бродим тихо по снежной дороге,
По вечерней, чуть-чуть голубой,
Дышит все нашим прошлым убогим,
Арестантскою нашей судьбой.

И судьбы этой ход нам неясен,
Мы давно не считаем утрат.
Белый снег. И оранжево-красен
Сиротливый тоскливый закат.

И закату здесь так одиноко,
Ничего, кроме плоских болот,
Как мы все, осужден он без срока,
Как мы все, никуда не уйдет.

Мы с тобой влюблены и несчастны,
Счастье наше за сотней преград.
Перед нами оранжево-красный
Сиротливый холодный закат.

1955



* * *

Восемь лет — как один годочек —
Исправлялась я, мой дружок.
А теперь гадать бесполезно,
Что во мгле — подъем или бездна.
Улыбаюсь навстречу бедам,
Напеваю что-то несладно,
Только вместе ни рядом, ни следом
Не пойдешь ты, друг ненаглядный.

1955

* * *

Протекали годы буйным золотом,
Рассыпались звонким серебром,
И копейкой медною, расколотой
В мусоре лежали под столом.

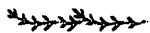
Годы бесконечные, мгновенные,
Вы ушли, но не свалились с плеч.
Вы теперь, как жемчуг, драгоценные,
Но теперь мне поздно вас беречь...



* * *

О, если б за мои грехи
Без вести мне пропасть!
Без похоронной чепухи
Попасть безносой в пасты!
Как наши сгнули, как те,
Кто не пришел назад.
Как те, кто в вечной мерзлоте,
Нетленными лежат.

Нина Гаген-Торн



* * *

Ветер тонким песьим воем
Завывает за горой
Взвод стрелков проходит строем,
Ночь... Бараки... Часовой...
Это — мне, а что с тобою?
Серый каменный мешок?
Или ты прикрыл рукою
Пулей раненный висок?

Магадан. Осень 1937



* * *

На свете есть много мук,
Но горше нет пустоты,
Когда вырвут детей из рук,
И растить их будешь не ты.

Ты живешь. Но случайный смех,
Детский голос, зовущий мать, —
И память встает о тех,
И ранит тебя опять.

Ран любовных горят края,
Горек запах родных похорон,
Взявшись за руки, скорби стоят —
Все их смоеет река времен.

Но не смыть, не забыть, не залить,
Если отнял детей чужой —
Эта рана всегда горит,
Эта горечь всегда с тобой.

КОЛЫМА

Мы выходим на рассвете,
Целый день стоим с пилой,
Где-то есть жена и дети,
Дом, свобода и покой.
Мы о них давно забыли,
Только болью ноет грудь.
Целый день мы пилим, пилим
И не можем отдохнуть.
Но и ночью отдых краток:
Только, кажется, прилег —
В мерзлом холоде палаток,
Уж опять гудит гудок,
И опять мы начинаем.
Режет ветер, жжет мороз.
В Колыме, я твердо знаю:
Сколько снега, столько слез.



* * *

Синие горы драконьим хребтом
Врезались в небе белесом.
В поступи конской тревога о том,
Встанет ли солнце над лесом?
Или — останется здесь навсегда
Муть комариного жала?
Будет чернеть по болотам вода,
Будут над нею гудеть овода,
Белая ночь превратится в года,
В ужасе будем искать мы тогда
Солнце, что в небе пропало.
Кто же, кто вскочит и взбросит для нас
На небо солнце тревожно?
Тысячи рук и потупленных глаз
Молят о том осторожно.

Дорога на Мылгу. 1938

БАРАК НОЧЬЮ

Хвост саламандры синеет на углях,
Каплями с бревен стекает смола,
Лампочки глаз, напряженный и круглый,
Щупает тени в далеких углах.

Чья-то ладонь в темноте выступает,
Дышит тяжелыми ребрами дом.
Бьется, как птица под крышей сарая,
Маленький Эрос с подбитым крылом.

Колыма. 1939



* * *

Тихо пальцы опускаю
В снов синеющую воду.
Снег весенний в полдень тает,
Оседая — пахнет медом.
По лесам проходят тени,
Улыбаясь дальним склонам.
В неба колокол весенний
Солнце бьет широким звоном.
Я сажу, смежив ресницы,
В пальцах сны перебирая,
И душа, тяжелой птицей,
К небу крылья подымает.

20 мая 1939

* * *

Что же? Значит, истощенье?
Что же — значит, изнемог?
Страшно каждое движенье
Изболевших рук и ног.

Страшен голод: бред о хлебе.
«Хлеба, хлеба» — сердца стук.
Далеко в прозрачном небе
Равнодушный солнца круг.

Тонким свистом клуб дыханья,
Это — минус пятьдесят.
Что же? Значит, умиранье?
Горы смотрят и молчат.

Эльген. 1940



* * *

Комары звенят по лесам,
Тонко поют луне.
Ночью знаю: ты сам
Думаешь обо мне.
По полетам гусиных стай,
По зеленой крови цветов,
Проливаемой через край —
Слышу твой зов.
Он прошел через сотню дорог,
Он дыханьем стоит в окне.
Значит, тоже не смог
Ты забыть обо мне?
Значит, снова встречай —
Через тысячи прожитых лет —
Каждый май
На земле возникающий свет.

Пересылка в Потье. 1949

Елена Владимировна



* * *

Мы шли этапом. И не раз,
Колонне крикнув: «Стой!»,
садиться наземь, в снег и грязь,
Приказывал конвой.

И, равнодушны и немые,
Как бессловесный скот,
На корточках сидели мы
До выкрика: «Вперед!»

Что пересылок нам пройти
Пришлось за этот срок!
А люди новые в пути
Вливались в наш поток.

И раз случился среди нас,
Пригнувшись опять,
Один, кто выслушал приказ —
И продолжал стоять.

И хоть он тоже знал устав,
В пути зачтенный нам,
Стоял он, будто не слышав,
Все так же прост и прям.



Спокоен, прям и очень прост,
Среди склоненных всех,
Стоял мужчина в полный рост,
Над нами глядя вверх.

Минуя нижние ряды,
Конвойный взял прицел.
«Садись! — он крикнул. — Слышишь, ты!
Садись!» — Но тот не сел.

Так было тихо, что слышать
Могли мы сердца ход.
И вдруг конвойный крикнул: «Встать!
Колонна, марш вперед».

И мы опять месили грязь,
Не ведая куда,
Кто с облегчением смеясь,
Кто бледный от стыда.

По лагерям — куда кого —
Нас растолкали врозь,
И даже имени его
Узнать мне не пришлось.

Но мне, высокий и прямой,
Запомнился навек
Над нашей согнутой спиной
Стоящий человек.

* * *

Наш круг все слабее и реже, друзья,
Прощанья все чаще и чаще...
За завтрашний день поручиться нельзя
И даже за день настоящий.

И в эти тяжелые, страшные дни,
В чреде их неверной и лживой,
Так хочется верить, что мы не одни,
Услышать из мрака: «Мы живы».

Мы прежним любимым знаменам верны,
И даже под небом ненастья
По-прежнему меряем счастьем страны
Свое отлетевшее счастье.

И пусть безнадежен мой путь и кровав,
Мои не смолкают призывы.
Кричу я, последние силы собрав:
«Мы живы, товарищ, мы живы».



КОЛЫМА

(Отрывки из поэмы)

* * *

Огромный трюм, лишенный света,
Тройные нары в три ряда.
Так путешествовать по свету
Вам не случилось никогда?

А если на море пожар,
И дым ползет от трюма к трюму,
О чем, друзья, вы стали б думать,
Вдыхая медленный угар?

Но судно доброе «Дальстрой»
Сегодня шло без приключений,
Служа плавучею тюрьмой,
Вмещавшей восемь тысяч теней...

Здесь были люди всех профессий
Всех уголков земли родной,
Случайно собранные вместе
Их поразившею бедой...

* * *

Огромный пароход качало,
Но людям не была видна
Ни мутно-серая вода,
Ни небо, что над ней вставало.

Семь раз сменялись ночью дни,
Семь раз по трюмам хлеб давали.
Но тишина... Машины встали.
Над люком окрик: «Выходи!»

... И вот они идут по трапу,
Неся дорожные мешки.
Идут для нового этапа
На прииски, на рудники...

* * *

...Пишу о жизни в рудниках,
О пайках, о бушлатах рваных,
О грубой власти кулака,
О жалком племени зэка.



Многомилльонно населенье
Немого лагерного дня.
Пишу о мертвом поколенье,
О людях, смолкших навсегда.
Пишу во имя тех — кто живы,
Чтоб не стоять им свой черед
Толпой угрюмо-молчаливой
У темных лагерных ворот.

Анастасия Цветаева



* * *

Моей сестре Марине

Гармоники неистовые звуки
Опять уже кого-то вводят в грех.
Каких свиданий и какой разлуки
Протянутые без надежды руки,
Печаль лихая, жáлобящийся смех?

Как будто снова вечер, вечерницы,
Иль русского селенья хоровод.
Девчата, парубки! Плясать и веселиться
Опять кому-то уж пришел черед!

О ритм молодого, чуждою веселья,
Как ты давно мне надрываешь грудь,
На миг свою приоткрываю «келью»,
Пытаюсь человеком стать, вдохнуть

Вот этот ритм, как там его вдыхают,
«По за бараками», в душевной простоте.
Но уже что-то вздох мой прерывает —
Не веселит мой дух и не смиряет —
Неутешимо, в полной немоте



Стою, терзаема своей судьбою,
Встречая лбом девятый вал тоски, —
А там гармоника, как с перепую...
Марина! Свидимся ли мы с тобою
Иль будем врозь — до гробовой доски?

1939 г.

ЛЕТНЯЯ НОЧЬ

Тишина над тайгою вся в звездах — о Боже!
Да ведь это же летняя ночь!
А я в лагере! Что же мне делать, что же?
Жить этой ночью — невмочь.

Соловей — это юность. Кукушкины зовы —
Это детство. Земной зенит!
На седеющих крыльях моих — оковы,
А старость — как коршун кружит!



УТЕШЕНИЕ

Чего страшусь? И глад и хлад минуют,
Недуг, сжигая тело, поит дух,
И зов о помощи не пребывает втуне,
Доколь смиренья факел не потух.

Я верую. О Боже, помоги мне,
В ничтожества и затемненья час
Молю, а из-за туч восходит, вижу,
Звезды предутренней мерцающий алмаз.

Воздушных гор лиловые воскрылья
Грядой крылатою покрыли небосклон,
И золотою солнечною пылью
Весь край дальневосточный напоен.

Недолго нам от вечности таиться,
Запятав голову под смертное крыло, —
Настанет час души! И вещей птицей
Бессмертия живой воды напиться
Из мрака тела — в дух, где тихо и светло!

* * *

Что терпит он, народ многострадальный,
За годом год, за веком век!
А Сириус и Марс, как над ребенка спальней,
Горят везде, где дышит человек.

Моя Медведица! Как часто эти руки
К тебе тяну я в черноте ночи, —
И рифмы мне не надо, кроме муки,
Которой бьют кастальские ключи.

По Дантовским ущельям расставанья,
Вокруг Луны — огромный света круг
Все ширится. И тихо в Божьи длани
Восходит дым немислимых разлук.

Все выше мук и их теней ступени,
Но синева торжественна ночи.
Черны, страшны ночных деревьев тени,
Но звезден неба сев! Крепись, молчи!

И разве я одна! Не сотни ль рук воздеты
Деревьями затопленных ветвей,
Лесоповал истории. Но Лета
Поглотит и его. О, выше вей,



Моих мучений ветер благодатный,
Сквозь ночи тьму к заре пробейся ввысь, —
Звезда предутренняя в лиловатой
Бездонности меня зовет — вернись!

А он, земной народ многострадальный,
За боем бой, за веком век,
И Сириус и Марс, как над ребенка спальней,
Горят везде, где дышит человек.

* * *

Вздохну — полынь,
Глотну — полынь.
Горечи — полон рот.
Хоть на минуту с сердца схлынь,
Полынный водоворот!
Баланс сведен, предъявлен счет,
Безжалостен анализ:
Мой друг, вы предо мной банкрот,
А Крезом мне казались!
Я б за тебя пошла в огонь...
И это зная — что ж?
Ты, Сцевола, — мою ладонь
Невозмутимо жжешь!

БАМЛар. 1939—1941



* * *

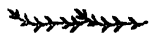
Есть такие города на этом свете, —
От названий их, как на луну мне выть:
Феодосии не расплести мне сети,
Ночь Архангельскую не забыть...

Далеки Парижа перламутры,
Темзы тот несбывшийся туман,
Да Таруса серебристым утром,
Коктебеля не залечишь ран...

И Владивостока нежная мне близость,
Где живет мой самый милый друг...
Поезд замедляет ход, и в темно-сизом
Небе — о, как рассветает вдруг!

То Иркутск. Тут Коля жил Миронов, —
Юности моей девятый вал!
Как горит хрусталь крутых еловых склонов,
Раем распростерся твой Байкал!

Надежда Надеждина



СОЛНЦЕ НА СТЕБЕЛЬКЕ

Быть или не быть? В тюрьме по-другому, Гамлет!
Жить или не жить? Это «тройка» решит за тебя.
Выводят меня на прогулку. Воздух!
Я пью его, но не прибавляется сил.
Меня стерегут глухие, безглазые стены,
И только тень на дне колодца-двора.
Но стоп! Я вижу весеннее чудо —
У ног моих живое желтое солнце.
Мохнатое крохотное солнце на стебельке.
Можно его осторожно потрогать: мягко!
Можно, нагнувшись, его понюхать: пахнет!
Упрямый росток раздвинул щелку в асфальте,
Расцвел одуванчик в тюремной пустыне двора.
Солдатик глядит на часы: время.
И снова уводит меня в камеру: служба.
Но я уже не такая, какая раньше была.
Пусть голос друзей сюда не доходит,
Пусть стены по-прежнему глухи и немые,
Но в памяти светится одуванчик,
Живое мохнатое солнце на стебельке.
Уж если росток мог одолеть камень,
То неужели правда слабее ростка!



КОГДА ВЫМЕРЗАЕТ ДУША

Когда-то, когда-то, когда-то
Были и мы молодыми.
Стоим мы у вахты, лохматые,
От инея все седые.
И пара белого струи
Бьют у нас из ноздрей,
Как у закованных в сбрую
Загнанных лошадей.
Воздух нам горло режет,
Он острым стал, как стекло.
Одна у нас только надежда:
В зону, в барак, в тепло.
И вдруг нам приказ — не во сне ли? —
За зоной могилу копать:
В бараке скончалась Анеля —
За номером сто тридцать пять.
Стоим мы, как истуканы.
Добил нас этот приказ.
И наш бригадир Татьяна
Сказала за всех за нас:
— «Анелю мы все уважали,
Хорошая девка была.

Не думали, не гадали,
Чтоб так она нас подвела.
Земля ведь окаменела,
Бей ее ломом и вой!
Пусть девка бы потерпела
И померла бы весной».
Вы скажете: это не люди,
Подонки, двуногий скот.
Многие нас осудят,
Но верю, что кто-то поймет.
Мы были других не хуже,
Жестокость в себе глуша,
Но, видно, бывают стужи,
Когда вымерзает душа.



СЧАСТЬЕ

Разговор о счастье в бараке ночью.

Первая шепотом, чтоб соседей не разбудить:

— Счастье — это дорога. Идем и хохочем.

С птицами песни поем, какие захочем.

И за нами никто не следит. —

Потом заскрипели нары; заговорила другая:

— Глядите, вот руки, как их от стужи свело!

Будь прокляты эти дороги, от них я седая!

Будь прокляты эти дороги... Зато хорошо я

знаю,

Зато хорошо я знаю, что счастье — это тепло.

Тепло от печки, которая топится в доме,

Тепло от ребенка, хотя бы родить на соломе.

Тепло от налитого силой мужского плеча.

И если на этом плече я выплачусь до рассвета,

То, может, поверю: песня еще не спета,

Может, поверю: жизнь можно снова начать. —

А третья сказала: — К чему так долго судачить?

Собакализывать раны в овраг залезает

глухой.



НЕИЗВЕСТНОМУ СОЛДАТУ

Застрелился молодой конвойный...
Пулевая рана на виске.
Будет ли лежать ему спокойно
В нашем мерзлом лагерном песке?
Что ночами думал он, терзаясь,
Почему не мог он службу несть,
Нам не скажут. Но теперь мы знаем
И среди конвойных люди есть.

КОМПОТ

Матери чувствуешь всюду заботу.
Из дома прислали пакетик компоту.
Я его в кружке большой сварила.
Что тут тогда в бараке было!
Лежавшие на нарах зашевелились,
Ноздри раздулись, губы раскрылись,
Чтоб с вождельем и упованьем
Вдыхать компотное благоуханье.
В нашей бригаде, не ошибусь,
Представлен почти весь Советский Союз.
Глядя на братских народов лица,
Я не могла не поделиться.
Вылила кружку в ведро большое
И долила доверху водою.
Эта коричневая груша —
Тебе, наша добрая русская Луша.
Эта изюминка черноглазая —
Гордой ханум с гор Кавказа.
Эта украинская вишня —
Тебе, Оксана, будет нелишней.



Как ни делила, как ни старалась,
Но ягод прибалтам уже не досталось.
Но запах остался, но запах не лжет.
В каждую кружку налит компот.
Пир начался. Горемыки-подружки!
Чокнемся, сдвинув со звоном кружки.
Забыты обиды, забыты невзгоды,
Но не забыта дружба народов.

КИНО

Новое время стучится в окно:
В столовой показывают кино.
Но нам ни к чему слезливые драмы,
Как кавалеров любили дамы.
Хроника — это дело другое.
Киножурнал не дает нам покоя.
Бывает, что на экране встанет
То переулок, то полустанок,
Бывает, просто мохнатая елка
У магазина в центре поселка,
Но кто-то эту елку узнал —
Пронзительный вопль прорезает зал.
Волненье растет все сильней и сильней,
Когда на экране — лица детей.
Ведь те, кто пришли посмотреть кино,
Детей не видели очень давно.
Они лишились, утратив свободу,
Права, дарованного природой
Каждой особи женской на свете,
Кто проживает на нашей планете:



Женщине, кошке, корове, тигрице —
Права рожать, котиться, телиться.
В ответ на детское щебетанье
В зале глухие звучат рыдания.
В девственнице стонет живот,
Ей не придется продолжить свой род.
У молодежи тоскуют груди,
В них молока для ребенка не будет.
У всех, кто постарше, руки кричат:
Им так бы хотелось качать внучат.
А где же их дочери, где их сыны,
Какие на воле еще рождены?
О них так красиво в газетах писали,
«Цветами жизни» их называли.
«Цветы» по детским домам разместили,
«Цветам» фамилии переменяли:
«Забудь отца, и он враг, и мать!»
Кто смеет так детскую душу терзать?!
Как море в часы штормового прибоя,
Зрительный зал бушует и воет...
Так, может, напрасно разрешено
В нашей столовой крутить кино?

Я ЛЮБЛЮ

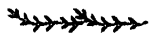
Я люблю. И меня не исправите.
Хоть какой кислотой не трави,
Но не вытравить мне из памяти
Этот терпкий привкус любви.
Ты — мое окаянное чудо.
Жжется рана искусанных губ.
От всего отрекусь, все забуду,
Но проститься с тобой не могу.
Я зерно, растертое жерновами.
Все мое, что осталось, — в тебе.
За семидесятью синевами
Не предай меня, не добей!
Слышишь: проволокой оплетенная —
Каждый шип, что вбрана клюв —
Здесь при жизни захороненная,
Я люблю тебя. Я люблю.



РЯБИНА

Зарницы играют, как птицы
Огненный в небе полет.
В такие ночи в столице
Рябина роскошно цветет.
От страха в оцепененье
Товарищи и родня.
Но дерево в белом цветенье
Ждет у окошка меня.

Татьяна Лещенко-Сухомлина



* * *

И жизнь твоя пройдет незрима
В краю безлюдном, безмянном,
На незамеченной земле.

Ф. Тютчев. *Русской женщине*

С седьмого неба она упала.
...Сияло солнце. Возня вокзала.
И электрички неслись на дачи.
Москва казалась сплошной удачей.
Как всех желаний исполненье
Был благодатен тот день осенний,
На Юг счастливых провожали, —
На Север ей пути лежали.
В край незамеченный и скудный,
На край земли. Из рая — в будни.

Она упала с седьмого неба.
В даль убегали колосья хлеба.
В даль убегали навек березы.
Ее печаль росла сквозь слезы.
Туда, назад тянулись руки.
С детьми, с детьми, с детьми в разлуке!
Жизнь проносилась навеки мимо.
А поезд мчался неумолимо.



Упала с неба она седьмого.
Позор и горе ей были новы.
Закат суровый карал зловеще.
Казались бредом простые вещи.
И голос сердца твердил ей строго:
Твоя последняя дорога.

Киров — Воркута. Октябрь 1948

* * *

Тундра... нелюбимая троюродная сестра,
Желтая, как лихорадка.

Трава ее высока и остра,
Ягода зреет несладко.

Ты несогретая, мне тебя жаль,
Твоя мерзлота не растет.
Над тундрой стоит такая печаль,
Какой на земле не бывает.

Воркута. 1950



* * *

Конечно, поэты — пророки.
Они умеют слышать,
Как где-то на дне глубоко
Слова скребутся, как мыши;
Как камни кричат безмолвно;
Как травы поют на рассвете;
Как воют вольные волны
О войнах, где гибнут дети;
Как ветер трубит ночами
О том, что в будущем будет.
Поэты исполнены снами.
Они непонятны судьям...
Они неслышное слышат.
Им звуки диктуют властно,
И руки послушно пишут,
А звуки растут опасно.
Слова на дыбы, как кони,
Встают непокорно и яро,
И ловят поэтов ладони
Уздцы драгоценного дара;

И если судьба захочет —
Стяжают бессмертную славу.
При жизни в пыли их топчут
По древнему тайному праву...

Воркута. 1951



ПЕРЕПРАВА

Застыла река... На лодчонке дощатой
Плывем по траншее во льду.
Не знаем за что, но за что-то — расплата.
Нас много попало в беду.
Харон нас везет через Стикс Заполярный.
Мертвы берега и река.
И мертвенно бледен наш лодочник старый.
А жизнь — как причал, далека.
Плывем ли? Быть может, давно мы застыли.
Живет лишь весел размах.
Он колет лицо ледянистою пылью,
Он ищет дорогу впотьмах.
На льдинах сугробов унылые стаи.
В небе угрюмом ни зги.
Уключины ржавые хрипло рыдают
Над черным жерлом реки.
В тундре торчат настороженно вышки.
Им судьбы людские не в счет.
Мы знаем: на воле никто не услышит,
Что нас затянуло под лед.

Мы канем на дно... Не уйти нам из плена!
Но в этот смертельный час
Нас кто-то заметил в огромной Вселенной
И льды отодвинул от нас.
Лодка кряхтя добралась до причала.
Мы словно очнулись от сна,
Пускай всё та же тюрьма нас встречала!..
Похрустывала тишина...
Лодочник молча своё что-то слушал,
Стоял, обернувшись к реке,
И рваная шапка, пронзая мне душу,
Стыла в желтой руке.
И вдруг засияли в небе пожары!
Сполохи ринулись ввысь!
Был валенок скрип слаще звуков гитары,
Мы в гору гурьбой поплелись.

Воркута. Октябрь 1951



РЕКА ВОРКУТА

Такая река, такая река —
Будто она во сне.
Черным-черна, и так глубока
Что нету дна на дне.

Воды ее — ледяной свинец.
Ее берега — горы.
На этих горах — безотрадных сердец
Стынут немые укоры.

Берега мертвы. И река мертва.
Стоит такая тишь,
Что страшно о ней сказать слова.
Об этой реке — молчишь.

Воркута. 1951

* * *

Опять весна! Какая прелесть!
Дрожит напева нить.
Когда хороший день в апреле —
Какое счастье жить!
И снег, и воздух вместе тают,
На общий лад.
Смешные птицы целой стаей
Мне о весне кричат.
А сердце снова верит в Чудо,
Тихонечко поет,
Как будто всем, для всех, повсюду
Растает вечный лед.
И снова будут на балконах
Ночные фонари
В московских ласковых затонах
Встречать восход зари.
И снова будут пахнуть липы,
И сумерки синеть,
И я забуду — ветра всхлипы
И ледяную клеть.

1952



* * *

О, моя беспечальная,
Безоглядная Русь!
Про дорогу кандальную
Рассказать не берусь...
Так уж было положено,
Ни за что нас губили.
Но не можем, не можем мы,
Чтоб о нас позабыли!
Нас этапами пешими,
Эшелонами длинными
Гнали в дали кромешные,
Разлучали с любимыми.
До кровавого пота мы
День и ночь чуть не до свету
Безотказно работали,
Ели пайку не досыта.
Нас потоком зловецим
Настигала пурга,
Как ненужные вещи,
Заметая в снега.
В безымянных могилах
Мы окончили век...
Кто забыть о нас в силах,
Если он — человек?

Воркута. Июль 1952

* * *

Странный город в туманном мареве
Застывает под черным льдом.
А над ним полярное зарево
Полыхает зеленым огнем.
То свернется, сверкнет и спрячется,
То струится сиянья тень.
Как жестоко и молча плачется
В этот темный, как полночь, день...
В этот день, как ночь. А за бездною,
За застывшей заставой беды,
Где-то розы цветут прелестные,
Голубеет вода, а не льды.
Мы бредем через дни кромешные,
Нас неистово гонит мороз.
А на небе — огни потешные
Зацветают алостью роз.
Для беды, на беду рожденные,
Превозмочь мы не в силах ночь.
Называемся мы — заключенные.
Нам никто не может помочь.
Лишь салютом в огромной горести
Разноцветные с неба лучи...
Странный город без сердца и совести
Стынет мрачно в полярной ночи.

Воркута. 1952

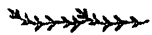


* * *

Сбылась мечта. До воли дожила.
Детей увидела. В самой Москве была.
Но мало мне. Мне не хватает счастья!
Достатка. Сил. Сердечного участия —
Участия тех, кто не был там, в пурге,
Кто не бывал в крошечной снежной мгле,
Кто не ходил в этапы под конвоем,
Кто не рыдал по детям страшным воем...

Орджоникидзе. Осень 1954

Елена Тагер



* * *

Приснилось мне, что старые друзья
Опомнились, раскаялись, вернулись,
И что ко мне, тревожа и дразня,
Приветливые руки протянулись.

И дружеские руки отстраня,
Я говорю без гнева, без досады:
— Друзья мои, не трогайте меня!
Мне ничего ни от кого не надо.

Колыма. 1945



* * *

И для тебя, бессонная,
Придет Большая Ночь.
Получит «похоронное»
Единственная дочь.

Друзья (давно забывшие)
Стряхнут слезинки с век:
«Писательница бывшая...
Хороший человек...»

И на тебя истратится
Небесный скудный жар,
И без тебя покатится
Земной надутый шар.

Колыма. 1946

* * *

Глубокий трюм, железный скрежет,
Зеленый океанский лед...
Рука невидимая режет
Застывший времени полет.

До нас домчался ветер с юга,
Из края ласковых чудес,
Где не пурга, а просто вьюга,
Где не тайга, а просто лес;

И отступилась, миновалась
Десятилетняя зима,
Та, что у нас именовалась
Колючим словом *Колыма*.

Пароход «Джурма». Июнь 1948



* * *

Оплаывает свеча. Наклонился
Огонек и глядит во тьму.
Значит, мир мне только приснился?
Или я приснилась ему?

Все равно. Бесплодные муки
Дымной тучей лежат позади.
И родимой кроткие руки
Призывают, манят: «Приди!»

Я иду. Податель забвенья,
Умудри меня, научи.
Да коснется Твое дуновение
Огонька оплывшей свечи!

Барнаул. Следственная тюрьма. Конец 1951

* * *

Так смертник по камере мечется.
Так зверь, угодивши в капкан,
Железо грызет и калечится,
И гибнет от яростных ран.

Когда же на миг он забудется,
Ему, потрясенному сном,
Вечернее озеро чудится
В смолистом безлюдье лесном.

И алая, алая, алая
Струится вода в камыше,
И льнет тишина запоздалая
К его оглушенной душе.

Северный Казахстан. Февраль 1952



* * *

Я бритву себе припасла,
Надежную, острую бритву;
Я сразу бы кончить могла
Бесплодную шумную битву;

И вены под кожей лежат,
Как мелкие синие змеи —
Да глупые пальцы дрожат,
Змею перерезать не смея.

Унять бы нелепую дрожь,
Бессмыслицу кончить бы разом
Да на ухо новую ложь
Бормочет услужливый разум.

Но, кажется, дело не в том,
Что разум хитрит и боится —
А в том, голубом, золотом,
Что с вольного неба струится,

На розовом дышит снегу,
Горит фиолетовой далью
И боль моего *не могу*
Спокойной смягчает печалью.

Северный Казахстан. Зима 1952

* * *

Они в огне ее сожгли,
Мою мечтательную лиру,
Но пели красные угли,
Вещая свет и мудрость миру.

И их засыпали землей,
Сухой, холодной, онемелой...
Но лира пела под землей —
И все кругом зазеленело.

И землю залили водой,
Вода бурлила и кипела,
Валы вставали чередой,
А лира пела, пела, пела...

Северный Казахстан. Весна 1952



* * *

И он умирает, как всякий другой.
Часы прозвонили: «Сегодня!»
Он будет лежать — простертый, нагой,
Суда ожидая Господня.

Его гениальность растает, как дым,
Под взором иных поколений —
И страшным парадом пройдут перед ним
Друзей оклеветанных тени.

Северный Казахстан. 4 марта 1953

Наталья Ануфриева



* * *

Воля Твоя да будет,
Просияй мне звездой во тьме...
О каком невозможном чуде
Я тоскую в моей тюрьме?

Тихо осень шумит листопадом...
Грустно, заря, алей!
Не вдыхать мне вечерней прохлады,
Не увидеть уснувших полей,

Не увидеть, как в поле над рожью
Гаснет вечер, печаль тая...
О, как трудно сказать мне, Боже:
Да будет воля Твоя!

Ярославль. 1937



* * *

Весны не будет и не надо.

Александр Блок

Все снежно, все чисто и бело...
О, пусть не вернется весна!
Я верю: в суровом «к расстрелу»
Глубокая есть тишина.

Путь страшный люблю горячо я
И с этой любовью умру...
Гори ж, мое сердце, свечою
На зимнем холодном ветру!

И в скорби предсмертной без меры,
Пронзающей душу до дна,
Есть радость погибших за веру,
Казнимых во все времена.

Я верю, я скоро у цели...
И зимние ветры поют
О снежной моей колыбели,
О звездах, о встречах в раю.

И жду я, чтоб ветры задули
Последнюю искру огня,
А сердцу смертельную пулю
Так просто, так сладко принять.

Ярославль. 1938



* * *

Вперед, сквозь Уральские горы
Зовет неизведанный путь...
Далеко угроза Печоры,
Обратно ее не вернуть!

Пусть едем не собственной волей,
О пусть! О, не все ли равно!
Зеленого леса и поля
Пьянит молодое вино...

Не камеры тесной молчанье,
Где жизни дано отцвести, —
Взволнованный бред расстоянья,
Тревожная радость пути...

Не горе поверженных наземь...
Нас вдаль призывает свисток...
Мы едем. Да здравствует Азия,
Дорога и Дальний Восток!

Вагон. Июнь 1939

* * *

Ночь томила гибелью, бедою,
Все чернее становилась тьма...
Но какой печальною звездой
Ты в ночи сияешь, Колыма!

Больше нет смятения и бреда,
Я уже предчувствую зарю.
И за все, что Ты мне дал и не дал,
Господи, Тебя благодарю.

7-й километр. Январь 1940



* * *

Россия, о где ты, Россия?
Пусть ночью кричит воронье...
Во мраке пути роковые
Таят воскресенье твое.

Пусть дом твой врагами разрушен,
Твои сожжены города,
Живую бессмертную душу
Не смогут убить никогда.

И сердце предчувствием новым
Звенит, замирая в груди,
Что путь твой не кончен суровый,
Что слава твоя впереди.

1942

* * *

Да, это все случилось наяву,
Но не умею прошлое проклясть я...
Я помню вечер, зимнюю Москву,
Снега, огни и невозможность счастья.

Часы и дни скитаний безотрадных,
Тревог и мук, неповторимых вновь...
Как я пила неистово и жадно
Печальную и горькую любовь!

Как задышалась в омуте душа...
Но в памяти, с прошедшим примиренной,
Так горестно, так странно хороша
История любви неразделенной.

Магадан. 1946



* * *

Снова сердце в тревоге бессонной...
Ты горишь ли, моя звезда?
Снова тягостный бред эшелонов,
Ночи, тюрьмы, гудки, поезда.

Но сквозь тяжесть тревожного бреда
Жадным сердцем я слушаю тьму!..
Этот путь мой, он снова неведом,
Снова сердце стремится к нему.

Духота беспокойных вокзалов,
Ночи, тюрьмы, гудки, поезда...
Сердце, сердце, ты разве устало?
О, не верю!.. о нет, никогда!

Я не знаю, что завтра случится,
Расширяется сердце в груди...
Неизвестность — как дивная птица,
Как надежда, летит впереди.

Актюбинск. Июль 1949

Юлия Панышева



ЛЕФОРТОВО

Замкнулась камера Лефортовской темницы.

Застыв от ужаса, стою.

Исчезло всё, друзей потухли лица,

И я одна у жизни на краю.

И некуда кричать, и некому поверить

На части сердце рвущую тоску...

Молчанье серых стен, глазок железной двери

Да неба зарешеченный лоскут.



РУКИ

Лефортово, железный коридор
и часовой на перекрестке.

Тюремщик раздает еду...
И щелк флажков, как выстрел хлесткий,
Предупредил: преступницу ведут*.

Все стихло... лишь шагов зловещий стук
Моих и двух солдат, что впереди и сзади...
Вовек мне не забыть голодных бледных рук,
Державших миску щей, полученную на день!

Они явились вдруг, случайно в этот раз
Тюремщик не прикрыл окошка черный выем,
В окошке руки, нет лица, нет глаз,
Лишь две руки — мучительно живые!

* В Лефортово коридоры с камерами расположены звездой. В центре звезды стоит часовой с двумя флажками. Ему видно, когда арестованного выводят из любой камеры. Тогда он щелкает флажками, предупреждая, что ведут заключенного. Сразу закрываются «кормушки» — окошки в дверях, через которые подается в камеру еда. *(Примечание автора.)*

Чьи эти руки? Кто еще
Тоскует за железной дверью?
Кто, как и я, часам теряет счет
И камеру шагами мерит?

Кто он? А может этих рук
В миру мои касались, руки?
О Господи, спаси от мук...
Всех страждущих избавь от муки!



* * *

Ночью снег идет,
Или дождь шумит.
За решеткою
Арестант не спит.

Горе горькое
В глазах прячется,
По худой щеке
Слеза катится.

Только слезы те
Бесполезные,
Приотворится
Дверь железная.

И за проволоку,
За колючую
Поведут тебя,
Невезучую!

От тоски лихой
Будешь век страдать,
Не видать тебе
Ни детей, ни мать!

Панихиду петь
Неминучую
По душе твоей,
По измученной.

Лефортово



* * *

О Боже, как уйти от вас,
От этих снов и дум печальных!
От этих звонов погребальных,
Пророчащих последний час!
О Боже, как уйти от вас!

Лефортово. Май 1950

* * *

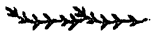
И я, наверно, побреду,
По колее дорожной!
Со всеми разделю беду,
Иное невозможно.

Свой крест тяжелый понесу
Во тьму, к страданиям новым,
Как нес когда-то Иисус
Свой крест в венце терновом.

Я понесу тяжелый крест,
Где ветер смерти веет,
Собачий лай звучит окрест,
Да окрик фарисеев!

Но до Голгофы не дойду,
Уж в сердце кровь остыла.
На снег горячий упаду
От выстрела в затылок!

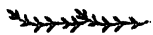
Лефортово



* * *

Мы пронесли свой крест за всех,
Прошли крутым путем.
О Господи, спаси же тех,
Что станут жить потом!

Светлана Шилова



МИЛЫЙ ЗЕК

Милый зек, я вас любила,
именно такого,
когда увидела я вас
немножко доходного.

Сердце дрогнуло мое
от такого вида
от его голодного
и совсем не модного.

Только он веселый был,
он в тюрьме всегда шутил
и лукаво говорил:
— Ах, навеки полюбил!

Только он веселый был,
говорил, мол, ничего...
А в глазах грустнее грусти
было что-то у него.

Он стоит и ждет мгновенья
взглядом повстречаться,
чтоб кивнуть мне головой,
до утра расстаться.



А я вся иду в песке
и с лопатой на плече,
в бутсах сорок пятого,
платье все залатано.

Но он любил меня такую
немножко доходную,
почти всегда голодную
и совсем немодную.

ПЕСНЯ ПРО СТАРУШКУ

Мы шли на шмон, а впереди старушка
мешок с имуществом несла.

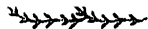
Шмоналыцик вытряхнул оттуда
Два старых черных сапога,

Еще какие-то лоскутья,
Затрепыхавшись на ветру,
Как лагерные старые знамена,
Они упали на траву.

Он бросил ей мешок пустой,
Когда закончил «кутерьму»,
И бабушка обратно положила
Всю эту выцветшую ерунду.

А я ее спросила:
«За что попали вы в тюрьму?
Вы Родине, что ль, изменили
Иль дали сведенья врагу?»

А бабушка была шутницей
И шуткой лагерной ответ дала:
«Я, мол, за Троцкого, за Рыкова
Да за царя Петра Великого!»



И так, смеясь беззубым ртом,
Она из года в год
Несет свое имущество
Сквозь бурю исторических невзгод.

1951

БЕЗЫМЯННАЯ МОГИЛА

Песня

Укатала особая *тройка*,
Закатила в свои лагеря,
И заочно меня окрестила:
Вместо имени номер дала.

И ходила я там, стеная,
Ах, за что мне такая судьба?
Я совсем ведь еще молодая,
А на воле бушует весна...

Но любовь тоже ходит по тюрьмам,
Зажигая собою сердца,
И я — *двести тридцать четыре* —
Полюбила *шестьсот тридцать два*.

А кругом лишь одни сторожа,
Целоваться с любимым нельзя.
Мы дарили улыбки свои
И писали стихи о любви.

А любовь в тюрьме — нежней,
А любовь в тюрьме — светлей,
Потому что там ей больней,
Потому что там ей трудней...



Мы искали на небе звезду,
Обращали свою к ней мольбу:
Не угнали бы нас на этап,
Не расстаться б внезапно вот так!

Но звезда та была холодна...
Раскрутились тюрьмы жернова,
Он истаял, сгинул, мой милый,
Не дождался свободного дня.

Литургию пропела тайга,
И апрель совершил там помин,
И горела свечою звезда,
Потихоньку сказала — аминь!

А любовь я свою затаила,
Золотым я ключом заперла...
И лежит в безымянной могиле
Мои любимый — *шестьсот тридцать два.*

1952

ВСПОМНИ

Романс

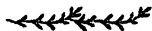
Здравствуй, лагерный дружочек!
Здравствуй, милый человек!
Мы с тобой сегодня выпьем
За загубленный наш век.

Помнишь, как с тобой пахали
От зари и до зари?
Как хребты нам надрывали
Неподъемные мешки?

Как мы трепетно мечтали
О баланде голубой,
Как с тобою врозь мы спали
На постели жестяной?

Здравствуй, лагерный дружочек!
Здравствуй, милый человек!
Мы с тобой сегодня выпьем
За загубленный наш век.





Коротко об авторах

Елена Алексеевна Ильзен (Грин)

(1919—1991)

Родилась в Киеве. Отец — доктор философских наук, мать — бестужевка. Оба арестованы в 1937 году, отец расстрелян. В связи с арестом родителей Елена Алексеевна была исключена из института, работала на Трехгорке, некоторое время училась в Литинституте.

Арестована в 1947 году, срок отбывала на Воркуте.

После реабилитации жила в Москве, занималась переводами.

Ольга Львовна Слиозберг

(1902—1991)

Родилась в Самаре. Окончила Московский университет. Работала экономистом.

Арестована в 1936 году. Три года тюрем — в Москве, на Соловках, в Казани, в Суздале, потом — Колымские лагеря.

В 1944 году вернулась из заключения, в 1949 была снова арестована и сослана в Караганду, с 1955 года жила в Москве.

Автор книги воспоминаний «Путь» («Возвращение», 1993).



Анна Александровна Баркова

(1901—1976)

Родилась в семье сторожа гимназии в Иванове-Вознесенске. Закончила гимназию. 1922 год — издан поэтический сборник «Женщина».

1934 год — первый арест, пять лет лагерей.

1947 год — второй арест, девять лет лагерей.

1957 год — третий арест, восемь лет лагерей.

Умерла в Москве.

Нина Ивановна Гаген-Торн

(1900—1986)

Из семьи обрусевших шведов, отец — военный хирург. Закончила аспирантуру Петербургского университета, занималась научной деятельностью.

Первый арест в 1936 году, пятилетний срок отбывала на Колыме.

Повторный арест — в 1948 году. С 1952 года — Темниковские лагеря, затем — ссылка.

После реабилитации — продолжение научной работы, издание ряда трудов.

Елена Львовна Владимирова

(1902 — 1962)

Родилась в Петербурге в дворянской семье. Воспитывалась в Институте благородных девиц. Во время Гражданской войны сражалась на стороне красных. Позднее занялась журналистикой.



В 1937 году арестована как жена «врага народа». Муж Л. Н. Сыркин был расстрелян, единственная дочь Женя погибла на фронте под Сталинградом.

В лагере на Колыме Елена Львовна вошла в подпольную группу (борьба со сталинщиной с позиций ленинизма), за что была приговорена к расстрелу, замененному 15 годами каторги.

На каторге создала большую (около 4000 строк) поэму «Колыма».

Пробыла в заключении более 18 лет.

После реабилитации жила в Ленинграде.

Анастасия Ивановна Цветаева

(1894—1993)

Родилась в Москве. Дочь профессора И. В. Цветаева, основателя Музея изящных искусств, сестра Марины Цветаевой.

Впервые арестована в 1933 году, вскоре освобождена благодаря заступничеству М. Горького.

В 1937 году второй арест — 10 лет лагерей. При аресте изъяты и безвозвратно погибли рукописи всего, до того времени созданного: два романа, повести, переводы. В лагере удалось написать и передать на волю роман «АМОК» (опубликован в 1990 году).

Третий арест — в 1949 году, осуждена на вечное поселение в Сибири.

Освобождена в 1956 году.

Годы, проведенные в селе Пихтовке, описаны в повести «Моя Сибирь». Широко известна книга А. И. Цветаевой «Воспоминания».



Надежда Августиновна Надеждина

(1905—1992)

Родилась в Могилеве в семье учителя гимназии. Закончила Московский университет.

Писательница, автор прозаических книг для детей.

В заключении находилась с 1950 по 1956 год. Срок отбывала в Потье.

После реабилитации жила в Москве, занималась литературной деятельностью.

Татьяна Ивановна Лещенко-Сухомлина

(1903—1998)

Родилась в Чернигове. Детство и юность прошли на Северном Кавказе.

В 1923 году вышла замуж за гражданина США, уехала в Америку. Окончила школу журналистов при Колумбийском университете, работала в театре в Нью-Йорке. Двенадцать лет жила во Франции и Испании. В 1935 году вернулась в Россию.

Арестована в 1947 году, приговорена к 8 годам лагерей.

Освобождена в 1954 году.

Последующие годы занималась концертной и литературной деятельностью (из переводов наиболее известны романы Жоржа Сименона «Президент» и Уилки Коллинза «Женщина в белом»), издано два тома воспоминаний «Долгое будущее».



Елена Михайловна Тагер

(1895—1964)

Родилась в Петербурге в семье железнодорожного служащего, училась в университете.

В голодном 1921 году, живя в Поволжье, служила переводчицей в АРА (Американская администрация помощи), за что в 1923 году была выслана в Архангельск, работала в лесхозе экономистом.

В 1928 году вернулась в Ленинград, занялась литературной работой (изданы две книги — «Зимний берег» и «Ревизоры»). Сотрудничала в журналах.

В 1938 году арестована вторично — 10 лет Колымы.

После освобождения («минус центры») жила в Бийске.

В 1951 году — третий арест, высылка в Северный Казахстан.

После реабилитации жила в Ленинграде.

Наталья Даниловна Ануфриева

(1905—1990)

Родилась в С.-Петербурге. Детские и юношеские годы провела в Симферополе, после школы работала статистиком. В конце двадцатых годов переехала в Москву.

Впервые арестована в 1936 году, восьмилетний срок отбывала на Колыме. В 1946 году вернулась в Крым, но вскоре была арестована и сослана в Актюбинск. Освобождена в 1954 году.

Последние годы жила во Владимире. Сохранилась рукопись воспоминаний «История одной души» — рассказ о религиозных исканиях автора.



Юлия Васильевна Панышева

Родилась в 1912 году.

Окончила филологический факультет Ленинградского университета.

Арестована в 1950 году, почти три года была в тюремном заключении: сначала и одиночной камере Лефортова, потом — на Лубянке.

Освобождена в марте 1953 года.

Живет в Москве.

Светлана Ивановна Шилова

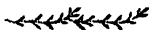
(1929—1992)

Родилась в Москве. Художник-дизайнер.

Арестована в 1950 году, срок отбывала в Потье. В лагере была на общих работах.

Освобождена в 1953 году по амнистии, позднее реабилитирована, жила в Москве.

В заключении сочиняла песни — стихи и музыку, во второй половине 80-х — начале 90-х годов исполняла их публично, аккомпанируя себе на гитаре.



Содержание

Елена Ильзен (Грин)

Вышка	5
Утро нашей родины	6
Врач	6
Палач	7
Сервантесу	8
«Люди карабкаются к счастью...»	8
Дон Кихот на перепутье	8
Рыцарю страшно	9
«Стою у пропасти бездонной...»	10

Ольга Адамова-Слиозберг

День рождения	13
Мы идем из бани	14
Суздаль	15
В этапе	16
Песня	17
Зависть	18

Анна Баркова

Герои нашего времени	21
Я	23
«Что-то вспыхнуло, замерло, умерло...»	24
«Днем они все подобны пороху...»	26



«Хоть в метелях душа разметалась...»	27
«Толпой людей, тупых и одичавших...»	28
Надрывный романс	29
«Восемь лет — как один годочек...»	30
«Протекали годы буйным золотом...»	31
«О, если б за мои грехи...»	32

Нина Гаген-Торн

«Ветер тонким песьим воем...»	35
«На свете есть много мук...»	36
Колыма	37
«Синие горы драконьим хребтом...»	38
Барак ночью	39
«Тихо пальцы опускаю...»	40
«Что же? Значит, истощенье...»	41
«Комары звенят по лесам...»	42

Елена Владимирова

«Мы шли этапом. И не раз...»	45
«Наш круг все слабее и реже, друзья...»	47
Колыма (Отрывки из поэмы)	48

Анастасия Цветаева

«Гармоники неистовые звуки...»	53
Летняя ночь	55
Утешение	56
«Что терпит он, народ многострадальный...»	57
«Вздохну — полынь...»	59
«Есть такие города на этом свете...»	60



Надежда Надеждина

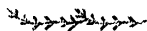
Солнце на стебельке	63
Когда вымерзает душа	64
Счастье	66
Неизвестному солдату	68
Компот	69
Кино	71
Я люблю	73
Рябина	74

Татьяна Лещенко-Сухомлина

«С седьмого неба она упала...»	77
«Тундра... нелюбимая троюродная сестра...»	79
«Конечно, поэты — пророки...»	80
Переправа	82
Река Воркута	84
«Опять весна! Какая прелесть!..»	85
«О, моя беспечальная...»	86
«Странный город в туманном мареве...»	87
«Сбылась мечта. До воли дожила...»	88

Елена Тагер

«Приснилось мне, что старые друзья...»	91
«И для тебя, бессонная...»	92
«Глубокий трюм, железный скрежет...»	93
«Оплывает свеча. Наклонился...»	94
«Так смертник по камере мечется...»	95
«Я бритву себе припасла...»	96
«Они в огне ее сожгли...»	97
«И он умирает, как всякий другой...»	98



Наталья Ануфриева

«Воля Твоя да будет...»	101
«Все снежно, все чисто и бело...»	102
«Вперед, сквозь Уральские горы...»	104
«Ночь томила гибелью, бедою...»	105
«Россия, о где ты, Россия...»	106
«Да, это все случилось наяву...»	107
«Снова сердце в тревоге бессонной...»	108

Юлия Панышева

Лефортово	111
Руки	112
«Ночью снег идет...»	114
«О Боже, как уйти от вас...»	116
«И я, наверно, побреду...»	117
«Мы пронесли свой крест за всех...»	118

Светлана Шилова

Милый зек	121
Песня про старушку	123
Безымянная могила	125
Вспомни	127
Коротко об авторах	131

Составитель
Заяра Веселая

Редактор
Семен Вилёнский

Годы бесконечные, мгновенные: Стихи узниц ГУЛАГа/
Г59 Сост. З. А. Веселая. — М.: Возвращение, 2001. 140 с.

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 5-7157-0006-X

© Возвращение, 2001

ЛР № 030850 от 01.09.98

Подписано в печать 1.04.01. Формат 60x84/32.

Издательство «Возвращение».

Тел.: 196-02-26, факс: 455-30-11,

e-mail: vozvrashchenie@mtu-net.ru

Отпечатано в ООО «Инсайт полиграфик»

Лицензия Плр № 060235 от 17.11.97

119899 Москва, Мичуринский проспект, 1

